

УДК 001(091)
ББК 72.3+63.3(2)
С24

*Монография утверждена к печати
Ученым советом Санкт-Петербургского Института истории РАН*

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Санкт-Петербургского Научного центра РАН*

Рецензенты:
к.и.н. *В.Г. Вовина-Лебедева*;
к.и.н. *Т.Г. Фруменкова*

Свердлов М.Б.
С24 М.В. Ломоносов и становление исторической науки в России. — СПб. :
Нестор-История», 2011. — 916 с.

ISBN 9-785-98187-866-4

Монография посвящена одной из сложнейших историографических проблем — изучению основных тенденций в накоплении и изложении знаний об истории России в русских позднесредневековых произведениях и западной «Россики» XV–XVII вв. Анализируются становление исторической науки в России первой половины – середины XVIII в., новое и традиционное в истории ее идей, труды западной «Россики» этого периода. В таком контексте исследованы труды М.В. Ломоносова, посвященные истории России. История исторических идей изучена с учетом воздействия на них общественно-политической жизни России, философских и политических теорий. Системно-структурный анализ позволил во многом по-новому установить, что, как и почему написали о российской истории М. В. Ломоносов, а также другие авторы того времени.

**УДК 001(091)
ББК 72.3+63.3(2)**

*В оформлении обложки использован фрагмент
гравюры М.И. Махаева (1753 г.)*

ISBN 9-785-98187-866-4

© М.Б. Свердлов, 2011
© Издательство «Нестор-История», 2011

Оглавление

Введение	5
1. Наука история.....	5
2. Изучение творчества Ломоносова-историка	10
Глава I. Исторические знания в России XVI–XVII вв.	33
1. Историческое развитие средневековой России и его европейский контекст.....	33
2. Россия середины — второй половины XVII в.: средневековая традиция и необходимость новаций.....	42
3. Средневековые русские историко-литературные произведения XVI–XVII вв.	59
4. Польская и австро-немецкая «Россика» XV–XVII вв. о начале Руси.....	65
5. Российские исторические сочинения второй половины XVII в.: от Средних веков к Новому времени.....	85
6. Начало формирования новой общественной среды в 1689–1699 гг.	117
7. Исторические сочинения начала Петровского царствования	128
Глава II. Формирование новой интеллектуальной среды и становление русской исторической науки	146
1. Преобразования Петра Великого и формирование новой интеллектуальной среды.....	146
2. Петр Великий и формирование россиянина Нового времени	189
3. Петр Великий и становление русской исторической науки	200
4. Российская историография в Петровскую эпоху.....	216
5. «Россика» Петровского времени.....	245
Глава III. Российская действительность 1725–1742 гг. и М. В. Ломоносов	280
1. Российская действительность и Петербургская Академия наук.....	280
2. Юность М.В. Ломоносова и историческое наследие	301
3. Страсть к учению. Москва: 1731–1735 гг.	321
4. Подготовка к научной деятельности. Петербург — Марбург — Фрейберг: 1736–1741 гг.	333
5. Политическое положение в России 1740–1742 гг. и М.В. Ломоносов	357
Глава IV. Российская историческая наука во второй четверти XVIII в.	381
1. М.В. Ломоносов и новые организационные начала Академии; политический контекст и историческая наука.....	381
2. Российская историография второй четверти XVIII в.	392
3. Контекст «Россики»	436

Глава V. Василий Никитич Татищев — историк	439
1. Жизнь и творчество	439
2. Первая редакция «Истории Российской»	476
3. Редактирование «Истории Российской» в 1748 — первой половине 1750 г.	498
Глава VI. Начало исторических исследований М.В. Ломоносова	521
1. Дискуссии 1747–1748 гг.	521
2. Обсуждение диссертации Г.Ф. Миллера в 1749–1750 гг.	548
3. Новые методы Ф.М. Вольтера в «Россике» конца 1740-х гг.	589
4. Начало работы М.В. Ломоносова над «Российской историей»	595
Глава VII. Творческая лаборатория М.В. Ломоносова	604
1. Пометы М.В. Ломоносова в русских источниках и «Истории Российской» В.Н. Татищева	604
2. Пометы М.В. Ломоносова в публикациях иностранных источников и исторической литературе	656
Глава VIII. Авторская работа М.В. Ломоносова над «Российской историей»	670
1. Концепция русской истории в «Слове похвальном» Петру Великому	671
2. Обстоятельства политические и авторские в 1755–1757 гг.	676
3. М.В. Ломоносов и подготовка материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера	680
4. М.В. Ломоносов и обсуждение «Истории Российской империи при Петре Великом» Ф.М. Вольтера	697
5. Концепция Ф.М. Вольтера в «Истории Российской империи при Петре Великом»	701
6. «Краткий Российский летописец» М.В. Ломоносова	707
7. Общественно-политические и академические обстоятельства редактирования М.В. Ломоносовым первого тома «Российской истории»	714
Глава IX. Идеи и исторические факты в «Древней Российской истории» и «Кратком Российском летописце»	740
1. Периодизация и древнейшее прошлое	740
2. Русско-византийские договоры первой половины X в.	760
3. От Игоря Рюриковича до Ярослава Мудрого: Русь периода единства.	776
4. Краткий обзор политической истории: от «многих смятений» до Петра Великого	803
5. Издание Радзивилловской летописи: М.В. Ломоносов, И.С. Барков или И.И. Тауберт	812
Заключение	822
Литература	834
Список сокращений	868
Именной указатель	870

Введение

1. Наука история

История — такая же сложная наука, как и все прочие. Ее сущность, как и других наук, — познание действительности, в данном случае исторической. У истории есть свой объект изучения — человеческое общество в прошлом, а также свои многочисленные методы исследования. Впрочем, есть и существенные отличия истории, в частности, от естественных наук. В физике, химии и других естественных науках процесс познания совершается, преимущественно, в изучении от известного, определенных данных, к неизвестному посредством опыта. Критерием истинного является в них эксперимент. Историк, напротив, знает из информации исторических источников, чаще всего, следствия, сведения о произошедших событиях, а их причины и процессы, которые приводят к таким следствиям, ему предстоит изучить. К тому же в истории невозможен эксперимент. Нельзя повторить в виде эксперимента и одновременно анализировать современными методами, например, Великую французскую революцию, Первую или Вторую мировую войну, учитывая к тому же бесчисленные объективные и субъективные факторы, начиная от состояния экономики и кончая талантом или бездарностью политических и военных деятелей.

Вследствие таких особенностей познания исторической действительности историки все более вводят в научный оборот все виды источников исторических сведений. Все более усложняются и совершенствуются методы историковедческого анализа, позволяющего установить степень достоверности исторических источников, раскрыть содержащуюся в них явную и скрытую информацию. Историки анализируют все большее число исторических фактов, все более глубоко раскрывают их содержание, их диалектическое взаимодействие с другими фактами. Их изучение позволяет раскрыть сущность процессов, которые являются причинами произошедших событий.

Истории, как и естественным наукам, свойственны доказательства на основании комплексного использования всех исторических источников,

их источниковедческого анализа, а также исторических фактов. Эти доказательства обосновывают выводы. Если такого исследовательского процесса нет, то в истории, как и в других науках, мнения об исторических фактах являются субъективными суждениями, а сочинения на такие темы — литературой исторического содержания.

В отличие от естественных наук, на историю, изучающую человеческое общество в прошлом, постоянно воздействует само это общество, разделенное различающимися интересами социальных групп и индивидуумов. На историков воздействуют конкретные социально-экономические и политические обстоятельства, общественно-политические идеи, философские концепции, анализирующие наиболее общие законы природы и общества, а также обыденное сознание социальной среды, которая стремится опустить науку историю до своего уровня восприятия и выражения вследствие мнимой легкости ее понимания.

Разрозненности исторических сведений и субъективности в их интерпретации историки противопоставляют системно-структурный метод, который позволяет установить во взаимосвязи не только факты, но также факторы экономической, социальной, политической действительности и духовной деятельности. Дополнительным критерием объективности является изучение таким образом изученной общественной системы в развитии, т. е. совмещенные синхронного анализа с диахронным.

На данном уровне синхронного и диахронного изучения исторических процессов дополнительное значение приобрели в XX в. такие методы, как генетический, сравнительно-исторический, моделирование и типология, психологический, анализирующий разные формы коллективной и индивидуальной психологии, методы количественные и качественные, статистический, демографический, географический, контент-анализ. Развились также культурологический и цивилизационный методы исторического анализа. В них наряду с теориями органического развития приобрели значение идеи культурного взаимодействия народов и государств.

Все эти методы позволяют ответить на вопрос, что есть истина в исторической науке. Ответ на него уже давно дал гениальный философ Г.В.Ф. Гегель: это — приближение к познанию сущности изучаемых явлений. Средство определения степени приближения к познанию исторической действительности, в частности, — научные дискуссии и коллективный исследовательский опыт.

Особое значение в современном исследовании приобрела историография. Историческая наука Нового времени существует более трехсот лет. В ней накоплен огромный аналитический опыт в изучении общих проблем и частных вопросов исторических явлений. Изучение историографии как исследовательского процесса позволяет существенно расширить возможности анализа исторических фактов.

Значительный вклад в становление и развитие исторической науки в XVIII–XX вв. внесли все концепции философии. Но во второй половине XX в. особое значение в общественных науках и культуре приобрел постмодернизм. Он отрицает временную и пространственную определенность, абсолютизирует относительность характеристик. Приближение к познанию сущности факта заменено в постмодернизме свободой мнения о факте без необходимых доказательств.

В общественных науках также распространилось постмодернистское направление, а с ним — отрицание объективных характеристик явлений и процессов.

В постмодернистской историографии особое значение приобрели работы Хейдена Уайта. Исходя из того, что у истории и литературы один объект изучения — человеческое общество, он перенес методы литературы на историю исторических идей. Уайт не учел качественных отличий методов научного познания в истории от литературы, которая познает действительность в художественных образах. Он подменил свойственное историческому изучению приближение к познанию объективной исторической действительности абсолютизацией релятивизма исторического знания. Впрочем, особое внимание Уайта к литературной составляющей в историческом исследовании содержит конструктивные начала для изучения истории исторических идей не только в XVIII в., когда происходил процесс становления исторической науки Нового времени, но также новейшего периода, когда в эпоху постмодерна происходят процессы размывания в исторической науке исследовательских принципов. Вместе с тем, работы самого Уайта и его последователей обратили внимание на возможность в исторических разысканиях литературного начала [White H. 1974; см. также: *Uaim X.* 2002].

Авторский подход Х. Уайта был подвергнут критике. В частности, Г.Г. Иггерс противопоставил ему изучение истории в XVIII в. как времени создания новых методов объяснения истории и новых способов ее написания. В то же время Иггерс отметил присутствие в исторических трудах того времени литературной составляющей [Iggers G. 1994; *Iggers Г.Г.* 2001]. Под влиянием этой критики Уайт откорректировал свою позицию. По его словам, «характеризовать исторический нарратив как “вымысел” было ошибочным или скорее поспешным, поскольку в практике историописания после XIX в., свойственной западной культуре, воплощалось убеждение, что ее дискурс доступен, по меньшей мере, негативному определению, а именно отличается от “художественного вымысла”, и что этот последний следует понимать как дискурс, обращенный к “воображаемому” (возможному), а не “реальным” (существующим или воссоздаваемым) предметам». Но и в этой последней редакции своей теории Уайт, уже не подменяя исторический нарратив литературным, оставил значительное место литературной составляющей в историческом повествовании. По его мнению, «вне подобного подхода, без понятийного

осмысления литературных элементов, вторгающихся во всякий письменный текст, который предполагает реальные события в нарративной форме, кажется невозможным оценить тот факт, что историческое сочинение в своем существе (а не случайных обстоятельствах) выглядит “образным”, даже если имеет в виду говорить “буквально» [Уайт Х. 2001. С. 159].

Впрочем, вне поля критики Х. Уайт остался верен принципам постмодернизма. Он продолжает исходить из ошибочной посылки, в соответствии с которой «имела место неудавшаяся попытка профессиональных историков нашего времени сделать из исторических исследований науку». Поэтому Уайт пришел к выводу, по-прежнему подменяющему историческое исследование литературным нарративом: «Имеющее сегодня место “возвращение к повествованию” свидетельствует о признании историками того, что для достижения собственно историологического (historiological) понимания исторического феномена требуется писать скорее “литературно”, чем “научно”. Это означает возвращение к метафоре, фигурации и построению сюжета, отказ от буквальности, концептуализации и доказательства как компонентов собственно историографического дискурса» [Уайт Х. 2002. С. 10].

Отсюда — размывание Х. Уайтом и его последователями качественных различий между историческим фактом и вымыслом, между научным исследованием и литературным повествованием на историческую тему. Отсюда же априорное признание равенства множественных объяснений, поскольку в них якобы отсутствуют критерии объективности. Наука история характеризуется ими как мифология. По их мнению, «прошлое, кроме всего прочего, есть территория фантазии», «каждый, кто пишет нарративы, фантазирует», а «события истории невоспроизводимы в дефинициях», «все истории сконструированы», «истина перестала быть отношением и превратилась в суждение», «истина — это то, что правдоподобно и убедительно для универсальной аудитории», «исторический нарратив лучше всего может быть понят в перспективе литературной теории, и это, конечно, предполагает восстановление дружеских отношений между историописанием и романом», «только история остается единственной дисциплиной, стоически сопротивляющейся всем попыткам оснастить ее теорией», «она — единственная дисциплина, являющаяся больше “ремеслом”, чем научной дисциплиной», «исторический роман может снабжать нас точно такой же информацией о прошлом, как и история» [см.: Доманска Э. 2010. С. 29, 32, 41, 62, 126, 129; мнения Х. Уайта, Х. Кёллнера, Ф. Анкерсмита, Э. Доманской].

Между тем, существует параллельная бесчисленная литература исторического содержания, в которой, действительно, определяющее значение приобрели те литературные принципы, которые отметил Х. Уайт, но ошибочно отнес их к исторической науке: метафора — «изменение значения слова на основании сходства» (В.М. Жирмунский), метонимия — замена смежных понятий, синедоха — название частного вместо общего, а также эмоциональное выраже-

ние осуждения, иронии и восторга. В таких работах отсутствуют сложнейший в своем содержании анализ исторических источников, их информации, выявление и изучение максимально возможного количества исторических фактов в их структуре и взаимных связях, концептуализация исторических обобщений и доказательства как обязательного свойства научного исследования.

Для постмодернистских разысканий все виды обращения к исторической действительности — равнозначные «версии», а конкретные в своих материалах, идеях и методах научные исследования, как написал Х. Уайт, лишь некие тексты, «языковые узусы», «вербальные структуры нарративного прозаического дискурса». Такие критерии лишают исторические разыскания объективного научного знания.

Эти суждения не имеют отношения к научным историческим исследованиям. Они в полной мере относятся к бесчисленным сочинениям на исторические сюжеты, которые не следуют принципам научного исторического изучения. Такие работы без источниковедческого и историографического анализа, применения множественных методов исторического исследования и доказательств являются, по нашему мнению, литературой исторического содержания.

Под влиянием постмодернизма в новейших исторических разысканиях широко распространилось использование слова «реконструкция». В научном содержании «реконструкция» — «восстановление по сохранившимся остаткам или описаниям». Между тем, многие авторы сейчас не исследуют, а «реконструируют» многочисленные исторические факты и процессы, «впечатления», «образ ученого» и т. д. Такие «реконструкции» — не только следствие некорректного использования научного термина. Они избавляют авторов от необходимости профессионального использования всех составляющих научного анализа как исследовательского процесса.

Трансформированным следствием влияния постмодернизма стали распространяющиеся в новейшей историографии уничижительные характеристики неугодных теорий или конкретных наблюдений в предшествующей и современной исторической литературе как «мифа» вместо анализа их происхождения, конкретного содержания, определения их места и значения в истории исторической науки. Такие характеристики предшествующих научных направлений и идей мифологизируют историографию как историческую дисциплину, изучающую исследовательские процессы.

Для историков-профессионалов таких вопросов не существует. Они знают, что у истории как науки есть свой объект и свои методы исследования.

Таким образом, в новейшей литературе отмечаются три направления в понимании истории. Одно из них, основное, свойственно историкам-профессионалам. Они относятся к истории как науке, которой свойственны разные исследовательские направления, на идеи которой воздействуют общественная среда, политические факторы и философские концепции.

Другое направление свойственно историографам, которые, отмечая существенные различия в интерпретации основного содержания исторического процесса, отказывают истории в объективном знании, свойственном науке, и характеризуют ее как искусство или литературу. Данное направление объективно продолжило агностицизм, абсолютизацию релятивизма в философии, отрицающие возможности познания объективно существующего мира, признающие лишь отдельные факты и субъективные впечатления о них.

Третье направление сохранило понимание истории как науки, но пытается «модернизировать» историографический анализ, допуская литературные составляющие исторического изложения. Между тем, такой компромисс не учитывает постоянное воздействие на историческое знание внеученных факторов, а признание литературных составляющих в научном исследовании предполагает их ненаучное происхождение, разрушающее научное содержание исторического исследования.

Таким образом, история как наука о человеческом обществе в прошлом постоянно развивается. Совершенствуются ее традиционные исследовательские методы, усложняются новые методики, расширяется поле исследований. Все эти изменения способствуют прогрессу исторической науки, углублению возможностей изучения исторических фактов, процессов, познания скрытых закономерностей развития человеческого общества.

2. Изучение творчества Ломоносова-историка

Историческая эпоха создает выдающиеся личности, тогда как эти личности придают своей эпохе присущее ей своеобразие. К таким личностям относится М.В. Ломоносов. Видимо, А.С. Пушкин наиболее точно выразил его особое значение в эпоху распространения Просвещения в России XVIII в., что не отрицало деятельности других сторонников российского Просвещения: «Ломоносов был великий человек. Между Петром I и Екатериной II он один является самобытным сподвижником просвещения. Он создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом» [Пушкин А.С. 1964а. С. 277].

Люди талантливые и, тем более, гениальные не только осознанно и неосознанно усваивают накопленный исторический опыт своей страны. Они намечают для нее новые цели и пути к ним. И вновь А.С. Пушкин, вероятно, наиболее точно обозначил новаторское содержание творчества М.В. Ломоносова, называя его «великим сподвижником великого Петра», раскрывая тем самым направленность его преобразующей созидательной деятельности. Показательно, что, перечисляя разные виды проявления гения Ломоносова, на первом месте Пушкин назвал его творчество как историка: «Соединяя необыкновенную силу воли с необыкновенной силой понятия, Ломоносов об-

нял все отрасли просвещения. Жажда науки была сильнейшей страстию сей души, исполненной страстей. Историк, ритор, механик, минералог, художник и стихотворец, он всё испытал и всё проник: первый углубляется в историю отечества, утверждает правила общественного языка его, дает законы и образцы классического красноречия, с несчастным Рихманом предугадывает открытия Франклина, учреждает фабрику, сам сооружает махины, дарит художества мозаическими произведениями и, наконец, открывает нам истинные источники нашего поэтического языка» [Пушкин А.С. 1964б. С. 28–29].

Биографии М.В. Ломоносова, его трудам, в частности, как историка посвящено бесчисленное множество работ, изданных в России и в других странах. Здесь и далее рассмотрены те из них, которые характеризуют определенные направления в научном изучении разысканий Ломоносова-историка.

Уже почитатель Ф.М. Вольтера и энциклопедистов А.П. Шувалов, сын П.И. Шувалова, одного из главных деятелей елизаветинского царствования, и племянник И.И. Шувалова, фаворита императрицы Елизаветы Петровны, в прозаическом предисловии к «Оде на смерть господина Ломоносова, члена Академии наук в С.-Петербурге», написанной вскоре после смерти великого ученого, отметил его труды как историка. В надписи, составленной академиком Я.Я. Штелиным для надгробного памятника М.В. Ломоносову, воздвигнутого другим выдающимся политическим деятелем елизаветинского царствования М.И. Воронцовым, указано, в частности, его посвящение «знатным упражнением отечеству служившему красноречия, стихотворства и истории российской учителю». В статье о Ломоносове, помещенной в изданном в 1772 г. выдающимся просветителем Н.И. Новиковым «Опыте исторического словаря о российских писателях», наряду с многочисленными, в том числе литературными достижениями названы его основные исторические произведения — «Краткий Российский летописец» и первая книга «Древней Российской истории» [Бабкин Д.С. 1946. С. 49, 52, 54; Павлова Г.Е. 1962. С. 23, 30, 32].

Для историков второй половины XVIII — первой четверти XIX в. труды М.В. Ломоносова, посвященные российской истории, являлись фактами современной им исторической науки. Под их влиянием современник и оппонент Ломоносова Г.Ф. Миллер изменил некоторые из своих суждений [см.: Гофман П. 1961. С. 207–211]. Создатель выдающегося труда «История государства Российского» Н.М. Карамзин считал Ломоносова «великим Историком». С некоторыми его наблюдениями он соглашался, против других возражал. Особое внимание Карамзина привлекла дискуссия о происхождении этнонимов *русы* — *росы*. Проанализировав аргументы обеих сторон этого обсуждения, он поддержал мнение Миллера, а не Ломоносова, не придавая значения национальной принадлежности его участников и рассматривая эту дискуссию как составную часть исследовательского процесса. Карамзин, видимо, первым отметил влияние Степенной книги и польских историков

XVI в. Я. Длугоша, М. Кромера и М. Стрыйковского на формирование мнения Ломоносова о дискутируемой проблеме.

Работая над первыми томами своего труда в 1803–1811 гг. во время либеральных реформ Александра I, Н.М. Карамзин выразил недоумение по поводу «гонения», которое Г.Ф. Миллер «претерпел» за высказанное им в 1749 г. мнение о скандинавском происхождении варягов-руси. Являясь страстным патриотом России, осознанно занимая консервативную общественно-политическую позицию, противоположную проектам либеральных реформ разночинца М.М. Сперанского и тем более декабристов, он, столбовой дворянин, писал: «Но если мы захотим соображать Историю с пользою народного тщеславия, то она утратит главное свое достоинство, истину, и будет скучным романом» [Карамзин Н.М. 1989. Т. 1. С. 254, примеч. 303, С. 213–214, примеч. 105, 106, С. 216–218, примеч. 111, 113]. Таким образом, Карамзин, замечательный историк и литератор, не только показал особую значимость М.В. Ломоносова как историка, обоснованность и дискуссионность его наблюдений над российской историей, но также наметил сложнейшие для изучения проблемы связи исторического исследования с общественно-политическими идеями своего времени и возможность превращения исторического исследования в литературное произведение.

Такой подход к изучению творческого наследия Ломоносова-историка создавал условия для его аналитической характеристики, в которой определяющим становилось не только то, *что* написано, но и *почему* так написано.

М.В. Ломоносов всегда являлся символом неограниченных творческих возможностей русского народа, его гения. Поэтому в борьбе общественно-политических идей, все более обострявшейся в XIX в., каждая из противоборствующих сторон стремилась привлечь имя Ломоносова, его поэтическое и научное наследие, в частности как историка, в свой стан. Для консервативного режима императора Николая I Ломоносов являлся символом преданного служения царской власти. При этом вместо реального человека и ученого создавался некий абстрактный идеальный образ. С другой стороны, отношение к нему стало снисходительным, как к «профессору химии», человеку, который «имел гениальное призвание собственно к обработке естественных наук», но занялся российской историей. Отсюда обобщающая характеристика А.В. Старчевского: «Взяв в рассмотрение все эти обстоятельства, не удивимся незначительности заслуг Ломоносова на поприще русской науки» [Зиновьев А. 1827. С. 36; Старчевский А. 1845. С. 142–143].

Большое значение для изучения жизни и творчества М.В. Ломоносова имела столетняя годовщина безвременной кончины гениального ученого. Юбилейные торжества происходили в 1860-е гг. — в период либеральных реформ, столь необходимых для экономического, социального и политического развития России. Хотя николаевский цензурный устав 1828 г. с определенными ограничениями продолжал действовать, авторы могли публиковать те

материалы, которые ранее издавать было невозможно. Такая относительная свобода печати и научного творчества благотворно сказалась на изучении биографии и научного наследия Ломоносова.

В 60-е гг. А.А. Куником и П.С. Билярским были подготовлены и изданы многочисленные архивные материалы, необходимые для исследования биографии, научного и поэтического творчества М.В. Ломоносова [Куник А. 1865. Ч. 1, 2; Билярский П.С. 1865]. П.П. Пекарский написал и опубликовал основанные на многочисленных исторических источниках исследования, посвященные изучению образования, научных знаний и литературы в России XVII в. и в Петровский период, а также истории Санкт-Петербургской императорской Академии наук до 1767 г. [Пекарский П.П. 1862а; 1870; 1873]. Пекарский — автор первой научной биографии Ломоносова [Пекарский П.П. 1873. С. 259–963]. Эти публикации сохранили научное значение до нашего времени, поскольку они ввели в научный оборот многочисленные источники материалы. Впрочем, Пекарский, либерально настроенный ученый, который публиковал свои статьи в «Современнике» и «Отечественных записках», обратил особое внимание лишь на внешнюю канву событий — на дискуссии Ломоносова с административным руководством Академии, с историками-немцами и русскими литераторами.

Такой подход к изучению творчества М.В. Ломоносова не удовлетворял в 60-е гг. XIX в. ученых и общественных деятелей, стремившихся раскрыть идейное содержание его работ в условиях еще сохранявшихся в стране либеральных порядков. В этих условиях значительных изменений в обществе и государстве народ, земство, самоуправление приобретали для историков и общественных деятелей значение особых начал российской истории, полностью подавленных государственным строем унитарной Российской империи. Так что столетняя годовщина Ломоносова, олицетворения народного гения, стала поводом для нового осмысления в контексте либеральных реформ его биографии и творчества. Активное отношение к общественной жизни осуществилось, в частности, в ревизии исторических идеалов прошлого в соответствии с нормами новейшей действительности. Либеральной формой оппозиции старым порядкам являлось тогда славянофильство.

Еще в 30–40-е гг. XIX в. славянофилы разработали концепцию, в соответствии с которой Земля, основанная на системе самоуправляющихся общин во главе с православным царем, была противоположна Государству. Народной свободе противостояло государственное насилие. В соответствии со славянофильской теорией «народный дух» православной России и славян был противоположен в своем содержании католическому и протестантскому Западу, а историческое развитие России осуществлялось принципиально отлично от западного. Поэтому славянофилы решительно осуждали Петра I и его преобразования, которые, по их мнению, лишили Россию ее истинного содержания. В контексте таких идей уже традиционная для русской

исторической литературы тема «Петр Великий и Ломоносов» в условиях либеральных реформ Александра II стала осмысляться по-новому.

По мнению выдающегося филолога и славянофила О.Ф. Миллера, петровские преобразования нанесли М.В. Ломоносову значительный ущерб. Он считал, что у Ломоносова, прошедшего курс обучения на Западе, профессора Петербургской Академии наук, ученого корреспондента великого Л. Эйлера, «прежние связи» с народом «неминуемо прервались». Рожденный в среде свободного крестьянства, он не «перенес» «ко двору императрицы Елизаветы некоторые предания этой свободы». Восхваляя Петра Великого, Ломоносов принял и те его законы, которые завершили закрепощение крестьян, да и сам он на своей фабрике использовал труд крепостных.

Для критики М.В. Ломоносова О.Ф. Миллер использовал также исторические материалы. В соответствии со своими общественно-политическими взглядами он являлся приверженцем общинно-вечевой и земско-вечевой теорий общественного строя Древней Руси, сформулированных В.И. Сергеевичем и Н.И. Костомаровым в контексте либеральных реформ 60-х гг. Эти теории должны были показать российской общественности, что в Древней Руси существовал строй вечевых городов с правами всеобщего общинного или земского самоуправления. Эти города находились в договорных отношениях с князьями и их дружинами, оплачивая исполнение ими военных и административных функций. Такие теории становились историко-идеологическим обоснованием требований в России для либералов — конституционной монархии, для социалистов народников — программы утверждения общества социального равенства, справедливости и общинного самоуправления [*Свердлов М.Б.* 1996а. С. 91, 99–133]. С этих позиций Миллер критиковал Ломоносова, его оды и их стилистику за то, что он «оторвался» «от своего мужицкого круга»: «Ломоносов был принужден совершенно свободную речь, свободное обращение с князем наших старых богатырей променять, не задумавшись, на раболопные формы придворного одописания с его надутой обстановкой из классической мифологии». Миллер осуждал Петра за то, что он «поторопился» с реформами, начиная с создания флота, а Ломоносова — за то, что он «спешил» ввести в России литературные жанры, свойственные классицизму — художественному стилю того времени, не придавая значения народным песням. В этом О.Ф. Миллер противопоставил Ломоносова-немца Ломоносову-славянину.

В отличие от многих других славянофилов и консерваторов О.Ф. Миллер понял обоснованность мысли великого русского историка С.М. Соловьева, который писал о том, что Петр осуществил те реформы, которые объективно созрели в предшествующий период, что они выражали объективную потребность народа, а не одного Петра. Но М.В. Ломоносова Миллер осудил за то, что он «готов был благословлять государственную руку преобразователя, как бы она ни оказывалась тяжелой для подталкиваемого ею народа».

С таких позиций О.Ф. Миллер характеризовал труды М.В. Ломоносова, посвященные русской истории. С неодобрением формулировал он изложение Ломоносовым начальной русской истории с особым вниманием к «развитию государственного начала», характеристики князей Владимира и Ярослава как «великих самодержцев», а также «необузданной вольности» новгородцев. Миллера не удовлетворяли стремление Ломоносова оправдать мщение Ольги древлянам «в государственных целях», его невнимание к «замечательным особенностям» «древнего славянского быта» и отсутствие «сочувствия» к «самоуправлению народному».

С особым чувством человека — современника освобождения миллионов крестьян от гнета крепостного права, появляющихся государственных и социальных институтов современного общества, О.Ф. Миллер отказывался разделять «патриотическое увлечение» императрицей Елизаветой Петровной, которая раздала лейб-компанцам за помощь в ее восшествии на престол 14 000 «душ крестьян», и тем более соглашаться со словами посвященной ей ломоносовской оды: «Пусть мнимая других свобода угнетает, / Нас рабство под твоей державой возвышает». В условиях подцензурной печати Миллер характеризовал эти слова как проявление «государственного идеализма», напоминая о продолжении в ее царствование действий «застенки», сбора высоких пошлин и податей, жестоких приговоров.

Как государственную службу О.Ф. Миллер характеризовал деятельность Ломоносова-ученого и «академического цензора», оберегавшего «государственную честь России», в частности, в его отношениях с Г.Ф. Миллером и А.Л. Шлёцером. В последней связи он напомнил, что Петр не велел «выкидывать из переводных книг неблагоприятные отзывы о России».

О.Ф. Миллер выражал в своей статье не только критические замечания по отношению к деятельности Петра Великого и М.В. Ломоносова. В соответствии с идеалами славянофильства и практикой либеральных реформ в России новейшего времени он написал о близости Петра к народу. Правда, в этой близости он увидел «домашнюю обаятельную простоту древнеславянского земского князя», принадлежность к «народной стихии», которой восхищался поэт и ученый Ломоносов, также составлявший часть этой «стихии». Принадлежностью к ней Миллер объяснял пожелания Ломоносова в одах, посвященных власти предрежащим, справедливости и соблюдения законов, исправления пороков «подданных» «ученьем, милостью, трудом», соединение «правды» со «щедростью», соблюдение «народной льготы», т. е. облегчения народной жизни. В этих пожеланиях Миллер видел преодоление Ломоносовым «исключительно государственной точки зрения» и его приближение «к точке зрения народной».

Стремясь установить близость М.В. Ломоносова к идеям славянофилов, но без их «морализующего направления», О.Ф. Миллер отметил в ломоносовском проекте устава Академии наук статьи о необходимости изучения

России и ее истории, воспитания российского юношества в России. Такая Академия, сформулировал Миллер «ломоносовский идеал Академии», «должна оказаться и лучшим вкладом от нас в науку *общую европейскую*».

В конце статьи О.Ф. Миллер так обозначил ее цель: «<...> предостереечь от неисторического идеализирования этой великой личности, идеализирования, заключающегося, главным образом, в поставлении его под то широкое знамя *народности*, о полном и настоящем значении которого не всегда имеют ясное понятие много и часто трактующие о нем». Вся деятельность М.В. Ломоносова, по словам Миллера, пролагала к этому знамени дальний, но верный путь — «первый великий пример возможности и будущих Ломоносовых», использование «чистого» русского языка, положенного в основу языка научного, привлечение в Академию «российских сынов». «К народному самосознанию, в конце концов, привела нас та же наука, наука общая европейская, путь к которой проложен для нас Ломоносовым» [Миллер О. 1866. С. 373–392; курсив О.Ф. Миллера].

Эта статья, кажется, не привлекла внимания историографов творчества М.В. Ломоносова. Она содержит дискуссионные идеи, прежде всего, научно некорректное соотношение О.Ф. Миллером времени Ломоносова и России 60-х гг. XIX в. Но в ней поставлены или подразумеваются важнейшие проблемы (здесь названы только те, которые относятся к истории исторической науки): 1) конкретное воздействие Петровских реформ на биографию и творчество Ломоносова, в частности как историка; 2) процесс его обучения и последующее творчество; 3) Ломоносов и российская государственная система; 4) Ломоносов и Петербургская Академия наук; 5) Ломоносов, философские и эстетические концепции его времени; 7) Ломоносов и историческая наука, современная ему и предшествующая; 8) значение вклада Ломоносова в развитие исторической науки. На эти вопросы последующие исследователи стремились дать свой ответ, и эти ответы в значительной мере зависели от того времени, когда они были даны.

С.М. Соловьев, в 1864–1870 гг. декан историко-филологического факультета Московского университета, а в 1871–1877 гг. его ректор, сторонник восходившей к философской концепции Г.В.Ф. Гегеля теории органического, т. е. закономерно обусловленного развития, писал в 1875–1876 гг., что М.В. Ломоносов и его современники в России не сознавали «полную зависимость исторического изложения» от «научного, философского и политического понимания описываемого» как историком, так и обществом в соответствии с «политическим строем этого народа и уровнем развития науки, от всего строя его жизни». Свою концепцию исторического процесса Соловьев соотносил с методом Ломоносова: «Не имея возможности изучить вполне русскую историю, Ломоносов, разумеется, не мог уяснить себе ее хода, характера главных явлений, определяющих эпохи; поэтому он не мог представить никакой системы и удовольствовался, как выражается сам, “некоторым

общим подобием в порядке деяний российских с римскими <...>». Осудил Соловьев дополнения Ломоносова, включенные в изложение летописного текста. Но он поддержал, в соответствии со взглядами своего времени, этногенетическую теорию Ломоносова о «единородстве» славян с сарматами и чуди со скифами [*Соловьев С.М.* 1994. С. 510–512].

Сторонник аналитического изучения истории, С.М. Соловьев считал, что от М.В. Ломоносова требовали красноречивого повествования о древней русской истории, а потому Ломоносов стал «отцом» «литературного», т. е. повествовательного направления, которое еще долго господствовало в русской историографии. Обобщая свои наблюдения, Соловьев писал: «Могучий талант Ломоносова оказался недостаточным при занятиях русской историей, не помог ему возвыситься над современными понятиями, и потому исторический труд его разделяется по достоинству на две половины». Его основные достижения — в первой, этногенетической, половине, где отмечено, что славяне, известные в исторических источниках под этим «именем», имели долгую предысторию. Вторая часть — изложение исторических событий — «не иное что, как сухой, безжизненный риторический перифразис летописи, подвергающейся иногда сильным искажениям, и легко понять, почему вторая часть так ниже первой» [*Соловьев С.М.* [Б. г.] Стб. 1350–1356].

Таким образом, историк-профессионал С.М. Соловьев конкретизировал проблему внешнего воздействия властей на форму трудов М.В. Ломоносова, посвященных истории. Его критика их содержания ставила другие проблемы — определение меры их научной обоснованности. В его замечаниях прослеживаются проблемы, которые начнут исследоваться лишь во второй половине XX в.: существование в XVIII в. стилистического единства эпохи, его воздействие на труды историков, а также возможность трансформации исторических произведений в литературные, в чем Соловьев поддержал наблюдения Н.М. Карамзина.

Ученик С.М. Соловьева и столь же значимый в истории русской исторической науки В.О. Ключевский поддержал наблюдения учителя о различиях между аналитическим изложением М.В. Ломоносовым начальной истории славян и его последующим повествованием о русской истории. Согласился он и с соловьевской характеристикой этих работ как литературных. Но Ключевский раскрыл содержание стилистики и научного изложения в этих трудах Ломоносова. По его мнению, на них воздействовали «патриотическое настроение елизаветинского общества», а также «господствующая идея царствования Елизаветы: Россия живет для самой себя и должна все делать своими руками», т. е. концепция самодостаточности и относительной самоизоляции по отношению к другим европейским странам. Поддерживая в конце XIX — начале XX в. ломоносовские идеи о смешанном составе славянских племен, об их древней предыстории, Ключевский отметил «в труде Ломоносова исторические догадки, внушенные автору веянием времени, так сказать,

патриотическим упрямством, и поэтому не имеющие научного значения». К ним он отнес идеи Ломоносова о происхождении варягов и Рюрика: «Ему никак не хотелось вывести Рюрика из Скандинавии, поэтому он, отбирая всюду догадки, скомбинировал новую теорию: Рюрик был вызван из Пруссии, пруссы были славяне, Рюрик был варягору, значит, варягорусы — славяне» [*Ключевский В.О.* 1959. С. 407–411].

Если мысль о влиянии на М.В. Ломоносова патриотических идей многократно повторялась, то проницательное наблюдение В.О. Ключевского над воздействием концепции елизаветинского царствования на исторические труды Ломоносова оказалось невостробованным.

Ученик В.О. Ключевского П.Н. Милюков, историк и политик либерального направления, вообще не отметил научного содержания трудов М.В. Ломоносова, посвященных отечественной истории. Он особо подчеркнул в них связь с интересами императорского двора, со свойственными елизаветинскому царствованию эстетическими и литературными предпочтениями [*Милюков П.* 1913. С. 29–32, 87–88, 108, 113]. В отличие от Милюкова другой ученик В.О. Ключевского, профессор, а с 1911 г. ректор Московского университета М.К. Любавский соотнес творчество Ломоносова с эпохой петровских преобразований. Он не только назвал Ломоносова «в известном смысле духовным сыном» Петра Великого, но и определил основу этого родства — «культурную атмосферу, созданную великим преобразователем России», идеи пользы отечеству и «высокий душевный подъем» [*Любавский М.* 1912. С. 11–15]. Такое определение происхождения и содержания творчества Ломоносова намечало пути конкретного анализа его трудов, посвященных истории России, и являлось ответом тем, кто идеализировал старину и стремился увидеть ее черты в деятельности Ломоносова. Наблюдения Любавского обращали внимание на необходимость системного изучения той новой духовной среды, которая появилась в России в правление Петра Великого, а также судеб ее традиции в последующее время в связи с изучением творчества Ломоносова.

Впрочем, и замечания П.Н. Милюкова сохранили свое значение, поскольку они обращали внимание на необходимость научного анализа воздействия императорского двора, литературных и эстетических приоритетов того времени на труды великого ученого.

Между тем, поздние славянофилы продолжали рассматривать М.В. Ломоносова преимущественно как борца с немецким засилием в русской науке. Показательны в данной связи характеристики профессора петербургской Духовной академии М.О. Кояловича. По его словам, «у всех этих гг. Байеров, Миллеров, Шлёцеров под внешнею оболочкой научности, объективности скрывается самый узкий, немецкий субъективизм». А потому он задается вопросом: «больше ли пользы или вреда от вмешательства иноземцев в разработку русской истории?». Коялович поддержал идеи Ломоносова о единстве славянских племен в древнейшем историческом прошлом, о происхождении

Рюрика из Пруссии, лишь уточняя: «из поморской страны не прусской, а славянской». Но в соответствии со славянофильской идеологией о противоположности славянского мира западному он осудил Ломоносова за его поиски исторической закономерности развития древней России в «сходстве с историческим развитием Рима». Поэтому его вывод о Ломоносове-историке был скептический: «Не подлежит действительно сомнению, что занятие историей было слишком далеко от специальных знаний Ломоносова, было начато им слишком поздно и не могло дать удовлетворительного результата». Коялович увидел у Ломоносова «сознание немощи в этом деле» [*Коялович М.О.* 1884. С. VI, 115–117].

Таким образом, в XIX — начале XX в. творчество М.В. Ломоносова как историка активно обсуждалось. Определяющим было признание его величия как ученого, его особого значения в российской науке. В конкретном анализе его исторических исследований были поставлены важнейшие вопросы определяющего воздействия Петровской эпохи, времени правления Елизаветы Петровны, и, шире, российской государственной системы на Ломоносова и его творчество как историка, влияния биографических обстоятельств и деятельности в Петербургской Академии наук. Было отмечено в его трудах, посвященных российской истории, литературное начало, определялись их место и значение по отношению к предшествующей и современной ему исторической науке, их вклад в ее дальнейшее развитие. При этом факты биографии Ломоносова, конкретное содержание его работ обсуждались как в поддержку, так и критически, хотя теории особого пути исторического развития России, особой русской науки, присущие с различающимся идеологическим содержанием николаевскому режиму, славянофилам и народникам, создавали условия для критики идеологизированной.

В советский период российской истории особое внимание обращалось на происхождение М.В. Ломоносова, которое свидетельствовало о безграничных творческих возможностях народа. До Великой Отечественной войны, в соответствии с провозглашенным партийным и государственным принципом интернационализма, в работах, посвященных российской исторической науке в XVIII в., отмечался вклад как русских ученых, так и «приглашенных ученых-иностранцев». В изданном вузовском учебнике по истории СССР под общей редакцией академика Б.Д. Грекова в разделе, написанном академиком Ю.В. Готье, сообщалось, что «крупный историк-лингвист Байер», который использовал лингвистические материалы, византийские и скандинавские источники, — автор «ряда серьезных для своего времени исследований по истории древней Руси». «Действительный основатель русской исторической науки в XVIII в.» — В.Н. Татищев, а «продолжателем дела Татищева» являлся прибывший из Германии Г.Ф. Миллер, автор первого тома «Истории Сибири», «ряда ценных статей и по другим вопросам русской истории», который издавал сам и помогал Н.И. Новикову публиковать ценные материалы по

русской истории. Готье писал, что М.М. Щербатов подготовил обобщающий труд по русской истории «на рационалистических принципах французских просветителей», тогда как И.Н. Болтин — «первый русский историк критического направления». «Последним крупным историком XVIII в.» назван А.Л. Шлёцер, который «принес» в Россию «последние достижения исторической критики, выработанные западноевропейской наукой» и «положил начало критическому изучению русских летописей».

Ю.В. Готье характеризовал М.В. Ломоносова как «гениального естествоиспытателя», которому вследствие «недостатка русских ученых кадров» «пришлось работать также в области гуманитарных наук, где он, особенно в области русского языка и литературы, создал эпоху». Написал он и о «помехах» Ломоносову «немцев, служивших в Академии» «как в его ученой деятельности, так и в борьбе за то, чтобы отвоевать место в Академии для русских» [История СССР. 1939. С. 743–745].

Б.Д. Греков использовал в изучении творчества Ломоносова-историка новый подход. Анализируя наблюдения Ломоносова над древнейшей историей славян, он обратил внимание на особое значение для великого ученого истории народа, а не князей, на значительные соответствия этих наблюдений новейшим этногенетическим теориям, изучению истории восточных славян до формирования Древнерусского государства и их последующей этнической истории. Отметил Греков и установление Ломоносовым той периодизации политической истории Руси, которая была разработана позднее Н.М. Карамзиным. Так, описательно, Греков назвал и этот вклад Ломоносова в историческую науку, хотя ему самому следовало указывать ее периодизацию в соответствии с догматическими установками И.В. Сталина [Греков Б. 1940. С. 27–32].

Проблема «М.В. Ломоносов и историческая наука его времени» активно изучалась в 1939–1941 гг. Комиссией по истории Академии наук (КИАН). Она должна была подготовить исследование «Очерк истории Академии наук (1724–1917)» [об истории написания этого труда см.: Князев Г.А. 2009. С. 52, примеч. 52, С. 270, примеч. 183]. Председателем КИАН являлся президент АН СССР С.И. Вавилов, который принимал реальное участие в руководстве ее работой. Активно участвовали в ее заседаниях выдающийся востоковед И.Ю. Крачковский, историк, источниковед и археограф А.И. Андреев, историк И.И. Любименко, директор Архива АН СССР Г.А. Князев. Первые две главы — об основании Петербургской Академии наук и о ее деятельности до 1741 г. — подготовила И.И. Любименко, третью главу, предварительно названную «Ломоносов и его время в Академии (1742–1965)» — С.Н. Чернов.

В докладе, сделанном 13 июня 1939 г. по теме своей главы, основное внимание С.Н. Чернов уделил не изучению творчества Ломоносова-историка, а условиям научного творчества историков. В соответствии с лексикой 30-х гг. он писал, что «руководящие правительственные круги» и «руководя-

щие общественные круги» были заинтересованы в развитии науки в России. Но вследствие их «двойственного» отношения «научная мысль упирается в препятствие к свободе научного исследования». Развивая эту мысль, Чернов продолжил, имея в виду творческую биографию Ломоносова: «Составление истории страны считалось задачей политически гораздо более важной, чем физические или химические исследования <...>». Далее он обобщил: «Вот такое подчинение научной работы задаче данного момента политического чрезвычайно тяжело сказалось на развитии научной мысли». В этих наблюдениях Чернов пришел к выводам, близким к В.О. Ключевскому и П.Н. Милюкову.

Следуя давней традиции, С.Н. Чернов написал в своем очерке о теме «Ломоносов и немцы», но, в отличие от предшественников, он объединил всех этих ученых в едином исследовательском процессе. Впрочем, по его мнению, обобщающий труд М.В. Ломоносова — «общий обзор», «попытка неудачная», тогда как «обзор частной истории, изучение отдельных фактов и сторон русской жизни» в работах Г.Ф. Миллера, П.И. Рычкова «и ряда других лиц» — «большое достижение». Поэтому он пришел к выводу, в соответствии с которым в первые 40 лет существования Петербургской Академии наук «в области востоковедения и в области *даже истории* достижения ученых <...> были чрезвычайно значительны» [СПФ АРАН, ф. 934, оп. 1, ед. хр. 73. Л. 17–21; курсив наш].

Из состава КИАН С.Н. Чернова исключили, но подготовленные им очерки истории Академии наук были учтены К.В. Базилевичем в позднее написанных им главах по истории Петербургской Академии наук во второй четверти — середине XVIII в. 1 февраля 1941 г. работа над этим трудом была признана завершённой, нуждающейся только в редактировании. Но работа КИАН продолжалась и в осажденном Ленинграде [СПФ АРАН, ф. 934, оп. 1, ед. хр. 270. Л. 97, 103–105 об.; *Князев Г.А.* 2009. С. 245, 270, 292, 389].

В тексте главы С.Н. Чернова, переработанной К.В. Базилевичем, показан вклад русских и иностранных ученых, находившихся на российской службе, в изучение самых различных проблем истории. В частности, были отмечены разыскания И.П. Коля в славянской истории и филологии, высоко оценены Т.З. Байер и Г.Ф. Миллер как исследователи [СПФ АРАН, ф. 702, оп. 1а, ед. хр. 2а. Л. 157об.–165]. В подготовленном в 1945 г. под руководством С.И. Вавилова окончательном варианте коллективного труда, который назывался теперь «История Академии наук СССР», были сохранены наблюдения, которые устанавливали воздействие официозных идей правления Елизаветы Петровны на обсуждение в Академии работ Г.Ф. Миллера. В нем отмечено, что М.В. Ломоносов еще в молодые годы начал собирать материалы по русской истории. Исторические события являлись темами его од. Но изучением русской истории он начал «заниматься лишь с начала 50-х годов по настойчивому желанию императрицы и И.И. Шувалова». Впрочем, содержание разысканий

Ломоносова было изложено ограниченно и не раскрыто содержательно [СПФ АРАН, ф. 702, оп. 1а, ед. хр. 76. Л. 218 об.–219 об.].

Такому подходу к изучению истории российской исторической науки в XVIII в. как к единому процессу исследований русских и иностранных ученых следовал и Н.Л. Рубинштейн, который отделял исследователей от бюрократов-карьеристов вне их национальной принадлежности. Рубинштейн принадлежал к тому направлению историографии (О.Ф. Миллер, С.М. Соловьев, В.О. Ключевский и другие), которое связывало исторические исследования Ломоносова с его «научно-общественной деятельностью», отмечало в них «официальное задание» и литературную составляющую. Впрочем, Рубинштейн, как и многие предшественники, не изучил содержание конкретно-исторических идей его трудов, а потому вынужден был указать лишь традиционный для историографии ограниченный круг тем трудов Ломоносова — вопросы этногенеза, варяжской проблемы, истории русской культуры [*Рубинштейн Н.Л.* 1941. С. 86–92].

После победы, достигнутой в результате небывалого подъема патриотизма и бесчисленных народных жертв в Великой Отечественной войне, сталинский режим в условиях начавшейся «холодной войны» предпринял псевдопатриотические кампании «борьбы с космополитизмом», понимаемой как «борьба с иностранным влиянием», утверждение национальных «приоритетов» и «народности». Они лишали исторические разыскания объективного содержания. В условиях идеологического, административного и судебного террора, совмещенного с патологической шпиономанией, был сформирован определенный стереотип характеристик М.В. Ломоносова как историка. Воспитывая чувство гордости за великого ученого, за его труды и его Отечество, такой стереотип идеализировал Ломоносова, что было свойственно послевоенной сталинской идеологической политике, идеализировавшей национальных героев и вождей. Такие правительственные установки ограничивали возможности научного анализа исследований Ломоносова-историка. Они деформировали изучение истории исторической науки в целом.

Выдающийся отечественный историк М.Н. Тихомиров был вынужден в таких условиях писать о засилии «немцев-академиков», которые выполняли «дело, заказанное им вельможными немцами-сановниками». Академик Байер, по его словам, «был бездарным и малоразвитым воинствующим немцем, с отсутствием настоящего интереса к науке и ее задачам». Впрочем, в завершении той же статьи Тихомиров обоснованно назвал Байера историком, который изучал преимущественно конкретный материал, не подменяя его рассуждениями. Он признавал большое значение археографической деятельности Г.Ф. Миллера и написал, что «в конце концов “немцы”-академики XVIII в. были неплохими техниками науки, они и оставили свой след в русской исторической науке». Но поставленная перед Тихомировым задача заключалась в том, чтобы противопоставить русских историков «академикам-немцам». Поэтому он

не раскрывал содержание исследовательского процесса, а утверждал приоритеты. Тихомиров противопоставил «немцам-академикам» не научное содержание трудов М.В. Ломоносова, а его отношение к истории как к «предмету, который должен поддерживать патриотизм русских людей».

Такая вынужденно односторонняя характеристика научного наследия Ломоносова-историка ограничивала исследовательские возможности его комплексного анализа. Как написал М.Н. Тихомиров, «можно критиковать “Историю” Ломоносова, но нельзя забывать того, что она долгое время была единственным учебником русской истории, заменившим устарелый “Синописис”» [Тихомиров М. 1948. С. 94–99]. Отметим, что «критиковать» исторические исследования, написанные в XVIII–XIX вв., некорректно, учитывая современный уровень развития исторической науки. Напротив, следует изучать исторические идеи того периода, устанавливать их происхождение и определять их вклад в совершенствование исторических знаний.

В таких обстоятельствах большое научное значение имело подготовленное на академическом уровне издание «Полного собрания сочинений» М.В. Ломоносова. В нем содержались выполненные на высоком профессиональном уровне комментарии А.И. Андреева и В.Р. Свирской к трудам ученого, посвященным отечественной истории [Ломоносов М.В. ПСС. 1952а. Т. 6. С. 541–595]. Они способствовали научному изучению творчества великого ученого, его общественно-политических взглядов.

Подготовка к десталинизации партийно-правительственного аппарата, его внутренней и внешней политики способствовала появлению новых характеристик творчества Ломоносова-историка.

В сданном в набор 21 декабря 1954 г. и подписанном к печати 5 мая 1955 г. первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР», подготовленном Институтом истории АН СССР, авторы очерка о М.В. Ломоносове М.А. Алпатов и М.Н. Тихомиров написали, что Ломоносов не являлся историком-профессионалом. В очерке нет разоблачительных характеристик «немцев-академиков», но была сохранена традиционная лексика послевоенного сталинского периода по отношению к работам Миллера и Байера как к «фальсификации исторической действительности», как к «лингвистическим извращениям».

М.А. Алпатов и М.Н. Тихомиров отметили обширные познания М.В. Ломоносова в исторических источниках, его понимание истории как сохранения исторического опыта, утверждение истории русского народа как великого, имевшего самостоятельную и древнюю культуру. В новых общественно-политических обстоятельствах они написали о том, что Ломоносов считал население древней России многоэтничным, в котором преобладали славяне, характеризовал появление государства как результат длительного догосударственного развития, рассматривал историю России не в ее зависимости от Запада, но «на фоне всеобщей истории», указывая международное значение Руси.

В качестве критических замечаний М.А. Алпатов и М.Н. Тихомиров написали, что «Ломоносов не раз отдавал дань времени, некритически относясь к отдельным показаниям источников», что его «теория о варягах из Балтийского Поморья» была «неудачной». Они отметили, что вклад Ломоносова в борьбу с «варяжской теорией» заключается не в этом мнении, а в доказательстве древнейших начал истории русского народа и России [Алпатов М.А., Тихомиров М.Н. 1955. С. 193–204].

В период так называемой «оттепели» второй половины 50-х — первой половины 60-х гг. первым, кто заменил величальные, но лишённые научного содержания сочинения конкретным исследованием творчества Ломоносова-историка, был Л.В. Черепнин. В отличие от О.Ф. Миллера, который критически анализировал работы Ломоносова с позиций славянофильства, Черепнин предпринял такой анализ как историк-профессионал с позиций понимания истории как истории классов и классовой борьбы.

Определяющим в понимании мировоззрения и значения М.В. Ломоносова в развитии исторической науки Л.В. Черепнин считал изучение его деятельности в условиях крепостнической действительности XVIII в. Отсюда его определения противоречий в общественной и научной позиции Ломоносова: идеи об особом значении народа и об определяющей роли абсолютной монархии в жизни страны. По мнению Черепнина, противоречивыми во взглядах Ломоносова были также идеи просвещенного абсолютизма, метафизического материализма в понимании явлений природы и идеализма в объяснении общественного развития. Поэтому, считал Черепнин, Ломоносов не смог преодолеть традиции дворянской историографии, но некоторые его идеи объективно выражали возможности буржуазного развития России, демократические тенденции в изучении роли народа в русской истории, в частности, в характеристике образа жизни Петра I.

В отличие от литературы периода послевоенного сталинского режима Л.В. Черепнин отметил «большой патриотизм» М.В. Ломоносова не в борьбе с «немцами», с их «вредительством» России, с «лженаучной норманской теорией», а в утверждении, согласно которому российский народ, несмотря на тяжелые времена в его истории, нападения врагов и внутренние усобицы, не пришел в упадок («не расточился»), но достиг величества, могущества и славы. Черепнин впервые указал на прогрессивные идеи Ломоносова о сложном содержании исторического процесса вследствие внутренних и внешних конфликтов, о поступательном, прогрессивном процессе исторического развития народов и государств, о понимании истории как науки, изучающей преемственность и непрерывность поколений людей в едином процессе, общего и особенного в развитии народов, о задачах изучения истории не только государства, но также народа, его происхождения и развития, о защите достоинства России, русского народа и русской науки.

Вместе с тем, Л.В. Черепнин отметил в трудах М.В. Ломоносова, посвященных российской истории, рационалистические характеристики, лишённые объективных оснований, — «разум», «польза», «твёрдость» и т. д., «неверные» этнические характеристики древних финских и балтийских народов, определение варягов как славян, тогда как ломоносовскую теорию общественного развития славян задолго до их появления в Восточной Европе он считал «правильной». Такой же верной он считал идею Ломоносова о славянском происхождении «имен» *рос, рус*. Черепнин возражал против идеализации Ломоносова и преувеличения его заслуг. Как он писал, не все «в утверждениях Ломоносова было в одинаковой мере удачно и верно», когда он «отступал от той “правдивости”, которая им самим выдвигалась как девиз исторического исследования». «Слабость его некоторых аргументов», по Черепнину, была отмечена его противниками. Черепнин написал о неубедительности таких доводов Ломоносова, как высмеивание аргументации оппонентов, апелляция «к силе русской церкви» в обоснование достоверности легенды об Андрее Первозванном в славянских землях. Написал Черепнин и о подчинении Ломоносовым задач исторического исследования «потребностям текущей политики царизма». В качестве критики таких методов в дискуссии он привел замечания Г.Ф. Миллера. Методы народной этимологии, далекие от научной лингвистики, в работах Ломоносова, по Черепнину, не более убедительны, чем у Байера и Миллера.

Л.В. Черепнин считал М.В. Ломоносова великим человеком и ученым своего времени, но он решительно возражал против распространенного метода «изображать всех немецких ученых, работавших вместе с ним, бездарными, тупыми и невежественными людьми», «чтобы оттенить это величие».

В полной мере был обоснован вывод Л.В. Черепнина, в соответствии с которым «научная деятельность Ломоносова явилась важным этапом в развитии русской историографии XVIII в.» [Черепнин Л.В. 1957. С. 191–211].

Общественно-политическая ситуация «оттепели» позволила подготовить и публиковать труды, посвященные изучению жизни и творчества М.В. Ломоносова, без целенаправленных «купюр» и «редактирования» [Рысс Е.Б., Коровин Г.М. 1958. С. 282–302; Коровин Г.М. 1961; Летопись. 1961]. Они создали условия для изучения биографических и научных обстоятельств написания его трудов, посвященных отечественной истории. Углублению анализа творческой лаборатории Ломоносова способствовали источниковедческие наблюдения Г.Н. Моисеевой, в частности, над его пометами на средневековых русских рукописях [Моисеева Г.Н. 1962а. С. 181–194; 1963а. С. 79–101; 1971]. Исследование литературных произведений Ломоносова дополнило сведения о его взглядах на историю [Белявский М.Т. 1961. С. 19–33; Моисеева Г.Н. 1962б. С. 253–257], о сложных отношениях Ломоносова с А.Л. Шлёцером и Г.Ф. Миллером, имевших также конструктивное содержание [Винтер Э. 1961. С. 265–271].

Эти новые наблюдения использовал С.Л. Пештич, который соединил при изучении творчества Ломоносова-историка анализ истории исторических идей и основные факты его биографии ученого. При этом он исходил из повторявшейся в предшествующей отечественной литературе мысли, в соответствии с которой Ломоносов не являлся историком-профессионалом. В соответствии с наблюдениями Пештича, на его обращение к российской истории воздействовали патриотическая инициатива и правительственное поручение. При этом сложилась двойственная ситуация. Ломоносов стремился направить деятельность правительства для общего блага, в частности, для изучения истории, тогда как правительство желало использовать Ломоносова в собственных целях. Правительство предназначало его «Историю» для восхваления самодержавия, а Ломоносов стремился повествовать о достойных славы делах государей и народа.

С.Л. Пештич поддержал мысль Л.В. Черепнина об определенных противоречиях в общественно-политических взглядах Ломоносова. Но основное для Пештича — его вклад в развитие российской исторической науки. Он выделил основные принципы исторических исследований Ломоносова: 1) изложение существенного и характерного, «отбрасывая второстепенные подробности, тем более такие, которые задевают авторитет государственной власти, национальное самолюбие и патриотические чувства русских людей»; 2) обращение к внутренним факторам, а не внешним при изучении отечественной истории. Ломоносов признавал существование в летописях достоверной информации наряду с баснословием, и эти достоверные сведения должны изучаться.

С.Л. Пештич предположил конструктивное влияние Ф.М. Вольтера на М.В. Ломоносова в том, что труды французского мыслителя, стремившегося к самому широкому описанию экономической и культурной жизни Российской империи при Петре I, побудили Ломоносова подумать о доработке своей «Древней Российской истории». Но Пештич отметил также недоверие Ломоносова к сочинениям по русской истории иностранных ученых, включая Вольтера, «не только из национальной тенденциозности», но порой из-за их откровенной враждебности к России. Пештич объяснил такое недоверие подчиненным положением истории по отношению к политике в период становления национальной историографии во всех европейских странах, а также превращением истории в практическое руководство по воспитанию морали в определенных политических целях. В отличие от предшественников и современников, которые рассматривали суждения Ломоносова об истории вне конкретных обстоятельств их появления во времени, Пештич отметил определенное изменение его суждения о славянском происхождении варягов-русов из Пруссии под влиянием успехов России в Семилетней войне. Придавая особое историографическое значение «Древней Российской истории», он был против преувеличения роли «Краткого Российского летописца».

С.Л. Пештич сохранил традиционное для послевоенного сталинского режима определение норманизма как «лженаучной и реакционной» теории, но противопоставил такой ее характеристике необходимость изучения «конкретной роли норманнов в создании древнерусской государственности». Противниками Ломоносова он назвал не «немцев» вообще, а административное руководство Академии, Шумахера, Тауберта и Теплова, тогда как с коллегами-историками Миллером и Шлёцером Ломоносов дискутировал.

С.Л. Пештич отметил использование М.В. Ломоносовым методов не только исторического, но также филологического и этнографического анализа многообразных видов исторических источников. Вместе с тем, он призывал не «преувеличивать зрелости критического подхода Ломоносова к источникам отечественной истории», учитывать воздействие на него догм официальной историографии.

Как основную историографическую заслугу М.В. Ломоносова С.Л. Пештич назвал, приводя его слова, научное обоснование «глубокой древности русского народа», признание внутренних закономерностей самостоятельного исторического развития славянства, сравнительно высокого уровня хозяйственного и культурного развития славян Восточной Европы до появления там варяжских князей, в отличие от того, что писали норманисты о воздействии внешних факторов [Пештич С.Л. 1965. С. 164–209; конкретный анализ взглядов Ломоносова на отечественную историю см. также: Фруменков Г.Г. 1970].

Обстоятельный очерк С.Л. Пештича, посвященный творчеству Ломоносова-историка, свидетельствовал о необходимости продолжения его аналитического изучения, т. е. сохранения той традиции, которая существовала в предшествующей историографии разных идейных направлений. Между тем, усилившееся в СССР со второй половины 60-х гг. административно-государственное давление крайне сузило возможности изучения этой сложной научной проблемы, поскольку государственной идеологии вновь понадобились не конкретные исследования, а идеализированные образы.

В обобщающем лекционном курсе А.М. Сахарова, профессора и заведующего кафедрой истории СССР периода феодализма Московского университета, отмечался патриотизм М.В. Ломоносова, его борьба с засильем иностранцев в Академии. При этом «норманская теория» характеризовалась как оправдание такого засиления. В полной мере обоснованно отметив веру Ломоносова во всемогущую преобразовательную силу знания и просвещения, Сахаров ограничил эту веру надеждой на «просвещенного» монарха, который освободит народ от «ужасов крепостнической действительности». Сахаров характеризовал Ломоносова как ученого-естествоиспытателя, но который занимался историей, филологией и изобразительным искусством для «укрепления национального самосознания».

По мнению А.М. Сахарова, М.В. Ломоносову свойственен прагматический подход к истории в «поучительных примерах для практической деятельности

и поведения» людям и обществу. Его рационализм заключался в том, что «движущую силу истории» он видел в деяниях правителей, «особенно самодержавных». Сахаров отметил требования Ломоносова к «тщательному подбору источников и их критике».

«Древнюю Российскую историю» М.В. Ломоносова А.М. Сахаров характеризовал как труд, который «намного опередил науку своего времени». Но его научный вклад определен Сахаровым в виде общих указаний на «гипотезы относительно древних славян», их истории, предшествующей появлению в Восточной Европе варягов-руси, возражений «против представлений о невежестве славян до прихода варягов» и опровержения «построений “норманистов”». Отметил Сахаров и «отдельные ошибки», в частности, отождествление варягов с пруссами, а пруссов со славянами.

«Краткий Российский летописец» М.В. Ломоносова А.М. Сахаров назвал написанной совместно с А.И. Богдановым «краткой справкой о правителях России, последовательно сменявших друг друга с древнейших времен до Петра Великого включительно».

А.М. Сахаров критически изложил взгляды М.В. Ломоносова на содержание русской истории как совпадение с существующей тогда «схемой» «самодержавие — распадение Руси — восстановление самодержавия». Основное значение в этой схеме придавалось личным качествам деятелей и правителей. Он объяснил взгляды Ломоносова на самодержавие с начала Руси и на благотворное значение «самодержавства», противопоставленного «разномысленной вольности», борьбой с норманизмом [*Сахаров А.М.* 1978. С. 68–70].

Такие принципы историографического анализа не позволяли изучить конкретное содержание научного вклада М.В. Ломоносова в российскую историческую науку, раскрыть содержание его идей в контексте эпохи. Они привносили в историографический анализ целенаправленность партийных характеристик.

В обстоятельствах политики «перестройки», объявленной М.С. Горбачевым, и тем более после крушения партийно-государственной системы СССР и его распада, т. е. во второй половине 1980-х — 2000-е гг., появились новые условия для изучения творчества Ломоносова-историка. Впрочем, исследовательские возможности в его анализе использовались преимущественно традиционные, в которые вносились определенные коррективы.

Профессор Санкт-Петербургского (Ленинградского) университета А.Л. Шапиро определил патриотизм М.В. Ломоносова в стремлении «поставить научный прогресс на службу стране и народу». Это намерение находилось в противоречии с существующим строем, но великий ученый был не в состоянии критиковать его основы. В анализе исторических трудов Ломоносова Шапиро вернулся к историографическим принципам отечественной литературы 1930-х гг., прежде всего Б.Д. Грекова.

В отличие от исследователей, которые писали, что М.В. Ломоносов — не историк-профессионал, А.Л. Шапиро указывал, что его занятия историей не являлись любительством. В дискуссиях Ломоносова с оппонентами он отмечал не национальные, а идейные различия, те наблюдения, которые имели конструктивное содержание, были поддержаны и развиты в последующей научной литературе. Это — темы борьбы с норманской теорией и ее следствиями, утверждения древности славян и единства их судеб с другими древними европейскими народами, лингвистического взаимодействия славян с другими народами Восточной Европы и освоения ими этих обширных пространств. В характеристике Ломоносовым деятельности Петра Великого Шапиро отметил как ее идеализацию, так и глубину авторского анализа, в частности, податной политики, определяемой не только обстоятельствами Северной войны, но и всей реформаторской деятельностью Петра.

Сравнивая исторические разыскания М.В. Ломоносова и его выдающегося предшественника В.Н. Татищева, А.Л. Шапиро пришел к выводу, что в «критике исторического баснословия» Ломоносов «безусловно уступал» Татищеву, но превосходил его «в литературности, доступности и красоте изложения». В обобщающей характеристике ломоносовских работ по истории Шапиро привел слова С.М. Соловьева, о «самом почетном месте» Татищева и Ломоносова «в истории русской исторической науки в эпоху ее начальных трудов» [Шапиро А.Л. 1993. С. 189–202].

Впрочем, 1980-е — 2000-е гг. стали временем распространения постмодернистских методов в разысканиях о творчестве Ломоносова-историка. Для этих методов определяющим стало мнение, а не доказательство, абсолютизация относительности знания и частного как целого.

Видимо, под влиянием таких тенденций С. Синьорини, обоснованно подчеркнув в «Древней Российской истории» воздействие политического фактора (впрочем, не отметив в таком наблюдении предшественников в научной литературе), абсолютизировала данную мысль и вследствие этого не раскрыла конкретное научное содержание труда Ломоносова [Signorini S. 1986. P. 437–457]. В.И. Турнаев сосредоточил свое внимание на конфликтных отношениях русских и немцев в Академии. Эти отношения он характеризовал как борьбу русской интеллигенции за национальную Академию, а М.В. Ломоносова — как «нового лидера борьбы за национальную науку с конца 1740-х гг.» [Турнаев В.И. 2007]. Но при этом Турнаев системно не исследовал содержание русско-немецких связей в Петербургской Академии наук 20–40-х гг. XVIII в., их значение для развития российской исторической науки, не изучил статус ученых всех национальностей в Академии, политику императорской власти по отношению к Академии во всех ее структурных подразделениях в разные периоды, к ее материальному обеспечению в контексте императорской внутренней политики в целом. В своих утверждениях Турнаев не опроверг ту исследовательскую реальность, в соответствии с которой

наука представляет собой единое пространство. Великий русский гуманист, который внес столь значительный вклад в российскую и мировую культуру, А.П. Чехов, окончивший Московский университет, врач по образованию, отметил в данной связи в записной книжке 1891–1904 гг.: «Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука» [Чехов А.П. 1949. С. 225].

Сторонник мнения о происхождении варягов из западных славян варягов, которые жили в раннее средневековье на южном Балтийском Поморье, В.В. Фомин абсолютизировал в своей книге «Ломоносов: Гений русской истории» эту мысль М.В. Ломоносова. Для этого ему пришлось в историографическом и историческом анализе ограничиться преимущественно так называемой «варяжской проблемой», а сам этот вопрос рассмотреть без учета эволюции во взглядах на него Ломоносова. Он исключил из историографического анализа уже накопленный опыт изучения творчества Ломоносова-историка в целом, соотношение его идей с историческими суждениями прошлого, изучение трудов великого ученого в неразрывной связи с его эпохой во всей сложности ее общественно-политического содержания. Как следствие такого подхода Фомин заменил анализ становления исторической науки в России, сложнейшего исследовательского процесса, значения в них трудов Ломоносова назывным противопоставлением «норманисты» — «антинорманисты», их эмоциональными характеристиками [Фомин В.В. 2006].

Такой, predetermined авторской позицией, подход к работам Ломоносова-историка, видимо, не учел свойственное отечественной историографии, начиная с органической теории С.М. Соловьева, изучение истории России как следствия имманентных объективных закономерностей в процессе возникновения и развития многоэтничного Русского государства. Не учтена в таком подходе и постоянная тенденция в отечественной историографии, начиная с трудов В.Н. Татищева, Т.З. Байера, Г.Ф. Миллера, М.В. Ломоносова, к постоянному расширению круга использованных исторических источников, значительно увеличившегося с развитием лингвистики, археологии и других сопредельных с историей гуманитарных наук.

В отличие от многочисленных односторонних характеристик творчества Ломоносова-историка в новейшей отечественной литературе сохранилась традиция его аналитического изучения. Она позволила не только продолжить сравнительное изучение исследовательских концепций М.В. Ломоносова, В.Н. Татищева и Г.Ф. Миллера, но также, по наблюдениям А.Б. Каменского, определить истоки разных идейных позиций Ломоносова и Миллера. По его мнению, подход Ломоносова к историческому исследованию определялся государственными задачами, Миллера — стремлением к изложению событий вне зависимости от государственных интересов [Мильников А.С. 1991. С. 28–38; Каменский А.Б. 1991. С. 39–48]. Такое аналитическое изуче-

ние способствовало появлению призыва писать при изучении творчества Ломоносова биографию, а не агиографию [*Карпеев Э.П.* 2005. С. 131–138].

Таким образом, двухвековой опыт научного анализа творчества Ломоносова-историка позволяет определить сложнейшие для его изучения проблемы. Следует конкретно исследовать труды М.В. Ломоносова как историка, установить содержание его наблюдений, обоснованных и дискуссионных. В историографии творчества Ломоносова-историка намечены особые вопросы, подлежащие дальнейшему исследованию, — его связи с историческими, общественно-политическими, философскими и эстетическими концепциями, с отечественной историографией предшествующих эпох, допетровской и Петровской, а также для него новейшей, включая обстоятельства его биографии как фактора, воздействовавшего на содержание его исследований. Как особые темы, необходимые для анализа содержания исторических трудов Ломоносова, сформулированы проблемы его отношений с российской государственной системой и, конкретно, с императорским двором, с Петербургской Академией наук.

В отечественных трудах обозначены такие сложнейшие проблемы исследования данной темы, как воздействие стилистического единства эпохи на содержание исторических разысканий М.В. Ломоносова, а также возможности влияния на них литературной составляющей.

Особой темой стало конкретное изучение вклада М.В. Ломоносова в изучение отечественной истории, его значения в развитии исторической науки в целом, определение в нем патриотического содержания. При этом исследовательский опыт показал научную некорректность в таком историографическом анализе целенаправленных или идеализирующих характеристик, а также критики его трудов с позиций более поздних общественно-политических и философских концепций.

Вместе с тем, следует отметить, что в исследованиях, посвященных Ломоносову-историку, преобладает одномерное изложение патриотического содержания его творчества. В них не поставлена и, соответственно, не решена проблема эволюции в конкретном содержании его трудов. Не изучена поставленная в научной литературе проблема анализа его помет на рукописях и книгах как историографического источника. В отличие от темы борьбы Ломоносова с «норманизмом» и историками-немцами не исследованы в конкретном содержании трудов Ломоносова, посвященных отечественной истории, прямые и обратные, непосредственные и опосредованные связи его идей со своей эпохой, с работами предшественников и современников отечественных и зарубежных.

Из рассмотренных ранее основных работ, посвященных творчеству Ломоносова-историка, их выводов и намеченных в них исследовательских тенденций следует, что дальнейшее изучение данной сложнейшей научной проблемы возможно лишь на основе последовательного применения

системно-структурного метода. При этом изучаемые структуры исторического знания должны исследоваться в их генетическом развитии.

Накопленный исследовательский опыт позволяет установить, что определяющей темой в изучении проблемы «Ломоносов и формирование российской исторической науки» должна стать история России в ее конкретном содержании как фактор, который воздействовал на идейное содержание трудов по русской истории, а также взглядов Ломоносова-историка. Столь же важно исследование российской исторической науки в процессе ее становления и развития, определивших основное содержание его трудов. Нуждается в дальнейшем изучении творчество Ломоносова-историка в конкретных обстоятельствах его биографии. Необходимы привлечение новых историографических источников, а также конкретный историографический анализ работ Ломоносова в контексте исторических, общественно-политических и философских идей его времени.

Все эти темы чрезвычайно сложны для изучения. Единство данных определяющих научных методов и анализа сложнейших научных проблем позволяет исследовать творчество Ломоносова в его эволюции, установить и проанализировать его конкретный вклад в становление и развитие российской исторической науки. Здесь и далее рассмотрены те исторические и историографические факты, которые позволяют изучить его творчество в контексте этого процесса.

Определяющими исследовательскими началами являются не только установление того, *что* свершалось в деятельности Ломоносова-историка, но также, что наиболее сложно, *по каким причинам* эти события происходили¹.

Мы благодарны за содействие в работе над монографией сотрудникам Архива Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербургского филиала Архива РАН, Отделов рукописей, редкой книги, сектора «Центр изучения эпохи Просвещения: Библиотека Вольтера» Российской национальной библиотеки, Отделов рукописей и редкой книги Библиотеки Академии наук, Отдела рукописей Российской государственной библиотеки, Российского государственного архива древних актов, заведующей Отделом редкой книги Библиотеки Академии наук Е.А. Савельевой и заведующему сектором «Центр изучения эпохи Просвещения: Библиотека Вольтера» Н.А. Копаневу.

¹ В качестве предварительных публикаций изданы ранее: *Свердлов М.Б.* 1) Василий Никитич Татищев — автор и редактор «Истории Российской». СПб., 2009; 2) Петр Великий и формирование человека Нового времени // Петровское время в лицах — 2007. СПб., 2007. С. 210–222 (Труды гос. Эрмитажа. Т. XXXVIII); 3) Петр Великий и историческая наука // Петровское время в лицах — 2008. СПб., 2008. С. 213–226 (Труды гос. Эрмитажа. Т. XLIII); 4) Болезнь императрицы и казнь А.П. Вольтинского // Герценовские чтения 2008: Актуальные проблемы социальных наук. СПб., 2009. С. 21–27.

Глава I

Исторические знания в России XVI–XVII вв.

Россия хранит в своей исторической памяти основное содержание минувших времен. Это, прежде всего, — этнокультурная, экономическая, социальная и политическая традиция. Объективная эволюция этих основ имеет следствием изменение их во времени. Под воздействием внутренних и внешних причин темпы такого имманентно обусловленного саморазвития могут быть замедленными и ускоренными. Может иметь место и стагнация.

М.В. Ломоносов являлся органичной составной частью своей эпохи — России Нового времени, созданной преобразованиями Петра Великого. Каковы были причины этих преобразований и их направленность, как они воздействовали на формирование российской исторической науки и деятельности Ломоносова-историка — на эти вопросы даны самые многообразные ответы. Смысл петровских преобразований и как их следствия — появление российской исторической науки и деятельность М.В. Ломоносова как историка раскрывается, если учесть весь путь предшествующего исторического развития России. Его содержание приходится раскрыть по необходимости кратко [обобщающие историографическое и историческое исследования автора см.: *Свердлов М.Б.* 1996а; 2003а; см. там же литературу научных проблем]. Данный экскурс необходим в связи с обилием самых разных мнений о содержании исторического развития России и происходивших в ней изменений.

1. Историческое развитие средневековой России и его европейский контекст

Славяне как этнокультурная общность являлись органической составной частью индоевропейского мира. Но индоевропейские народы в Европе I тысячелетия н. э. развивались в соответствии с разными темпами исторической эволюции.

Многочисленные германские племена в III–V вв., преодолев сопротивление Римской империи, расселились на ее территории. Они разрушили империю, нанесли значительный ущерб свойственной ей материальной и духовной культуре. Но они усвоили технические достижения античной цивилизации, ее письменность, что способствовало ускоренным темпам исторического развития этих германских племен, формированию романо-германского этнокультурного синтеза, дальнейшему распространению достижений римской культуры среди народов Центральной и Северной Европы.

В отличие от германцев эволюция этнокультурной и общественно-политической жизни славян интенсифицировалась в VI–VII вв., когда они расселились на обширных пространствах Центральной, Юго-Восточной и Восточной Европы, от верхней Эльбы и Савы до Северского Донца, от Дуная до озер Ильмень и Псковское. Преодолев сопротивление Византийской империи, поселились они и на ее территории, прежде всего на Балканском полуострове [Седов В.В. 1982; 1994]. В процессе этногенеза и дальнейшего расселения в Восточной Европе восточные славяне постоянно взаимодействовали в этнокультурных связях с финно-угорскими и балтскими народами. Русское государство появилось в результате имманентного развития восточнославянских племен, их развития в племенные княжения и межплеменные союзы, которые устанавливали с финно-угорскими и балтскими племенами Восточной Европы союзные отношения или ассимилировали их. В процессе формирования и развития Русского государства в IX–X вв. участвовали и скандинавы. Так что Русское государство изначально являлось многоэтничным, но его этнокультурную основу составляли восточные славяне [Свердлов М.Б. 2003а. С. 83–181; см. там же литературу вопроса].

В середине X в. завершился процесс формирования политически единого Русского государства с присущими государству институтами — публичной властью в виде княжеской династии и княжеской служилой феодальной организацией — «дружиной», территориальным делением, системой княжеских податей и повинностей, княжеского суда и закона — Правды Русской, использованной в качестве источника права уже в русско-византийских договорах 911 и 944 гг., а также войском-ополчением на основе воинской повинности. Это политически единое государство называлось на Руси «Русская земля» в широком значении этого понятия, в Византийской империи уже в середине X в. — Ῥωσία, в латиноязычной письменности католических стран с начала XI в. — *Ruscia*, *Rucia* и другие близкие по форме обобщающие названия.

В X в. русские купцы вели торговлю не только традиционно с Византийской империей и странами мусульманского Востока, но также со странами Центральной Европы и Скандинавии. Начиная с этого столетия, Русь развивалась в пределах европейского пространства. О ее политической значимости в середине X в. свидетельствуют переговоры княгини Ольги в Констан-

тинополе с императором Константином Багрянородным в 957 г., в частности, вероятно, и о создании в Киеве епископии. Когда же ей было в этом отказано, она отправила в 959 г. с той же просьбой послов к германскому королю Оттону, который в 962 г. стал императором Священной Римской империи. Добиваясь своей цели, Ольга, как опытный политик, использовала противоречия и соперничество двух империй, Византийской и Священной Римской.

Сын Ольги Святослав Игоревич разгромил в 964–966 гг. Хазарский каганат, освободив от хазарского контроля торговые пути на Восток и Кавказ. Но во время войны с Византийской империей в 968–971 гг. после многочисленных успехов Святослав потерпел поражение. После заключения почетного для Руси мира с Византией он погиб. Десятое столетие, которое началось для Руси победой князя Олега в 907 г. над мощной Византийской империей и заключением в 911 г. исключительно благоприятного для Руси как государства и для русских купцов договора с ней, кончалось блестящими успехами князя Владимира Святославича. Завершая религиозно-идеологическое строительство политически единого Русского государства, он ввел в 988–989 гг. христианство в его ортодоксальном виде в качестве государственной религии (раскол христианства на православие и католичество произойдет в 1054 г.). Владимир заставил «багрянородных», т. е. легитимных, императоров-соправителей Василия II и Константина VIII выдать за себя замуж их сестру принцессу Анну и стал свояком правящего императора Василия II — главы восточнохристианского мира.

Во внешней и внутренней политике Владимир Святославич являлся самостоятельным правителем своей страны. Он расширил пределы своего государства, подчинив своей власти стратегически и экономически важные Галицию и Волынь. В борьбе-соперничестве с мощным в то время Польским княжеством Владимир вступил в объективно обусловленный союз против него с императором Священной Римской империи Генрихом II. Вел он независимую политику по отношению к Византийской империи. В такой европейской внешней политике Владимир продолжил методы своей «бабки», княгини Ольги.

Владимир следовал канонам восточнохристианского исповедания, но при строительстве Русской Церкви он учел и западнохристианский опыт, введя в качестве государственного средства обеспечения ее клира десятину от доходов и пошлин. Судя по достоверной информации исторических источников, погребен он был, как и ранее его супруга Анна, по западнохристианскому обычаю в центре киевской кафедральной церкви Богородицы (в Византии правителей в храме не хоронили) [здесь и далее см.: *Свердлов М.Б.* 2003а. С. 254–582; см. там же литературу вопроса].

Продолжая деятельность своих предшественников, Владимир Святославич следовал принципам развития Русского государства как страны европейской, проводя открытую политику во взаимодействии с правителями

Византийской империи, стран Центральной Европы и Скандинавии, поддерживая также постоянные торговые связи со странами Востока.

После смерти Владимира Святославича в 1015 г. его преемники до первой трети XII в. продолжали такую же направленность внутренней и внешней политики Руси как государства европейского, начиная со Святополка Ярополковича и Ярослава Владимировича Мудрого до Владимира Всеволодовича Мономаха и его сына Мстислава Владимировича (ум. в 1132 г.). Несмотря на жестокие социальные, династические и военно-политические кризисы, этот вектор эволюции Русского государства оставался постоянным. При Ярославе Мудром устойчивыми оставались союзные отношения с королевскими домами Швеции и Норвегии. Сам он был женат на Ингигерд, дочери шведского конунга Олава Шётконунга, а потому являлся свояком норвежского конунга Олава Святого.

В Центральной Европе Ярослав постоянно поддерживал военно-политические союзы с германскими правителями, в частности, против Польского княжества. Но и с Польшей он стремился поддерживать дружественные отношения, которые скреплялись в соответствии со средневековой традицией династическими союзами. Так что его сын Изяслав Ярославич был женат на Гертруде, сестре польского князя Казимира I и дочери короля Мешко II, а сам Казимир — на дочери Ярослава Марии-Добронеге.

Будущий венгерский король Андрей I должен был бежать с братом Левенте от преследований своего дяди Шаламона (Соломона) I в Киев. Там они находились в 1034–1046 гг. и там же Андрей женился на дочери Ярослава Анастасии, которая приняла в Венгрии католическое имя Агмунда. В 1048 г. французский король Генрих I отправил посольство к Ярославу Мудрому с просьбой выдать за него замуж его дочь Анну. Киевский князь согласился. 19 мая 1049 г. в реймском соборе было совершено их бракосочетание, а в 1052 г. Анна Ярославна стала матерью будущего короля Филиппа I.

Все эти военно-политические союзы и династические браки до 1054 г. заключались в пределах единого церковного христианского пространства. Но и после раскола православной и католической Церквей в 1054 г. православные русские князья продолжали осмыслять себя в едином христианском мире. В интересах Русского государства и своих собственных они продолжали осуществлять ту же политику военно-политических и династических союзов с правителями католических стран, что и ранее их предшественники. Владимир Всеволодович Мономах, внук Ярослава Мудрого и византийского императора Константина IX Мономаха, был женат на Гите, дочери англо-саксонского короля Харальда. Его сестра Евпраксия была замужем за германским маркграфом Генрихом Длинным, а после его смерти — за императором Священной Римской империи Генрихом IV. Сын Владимира Мономаха Мстислав имел также западноевропейское имя Харальд, а женат он был на Христине, дочери шведского короля Инге Стейнкельсона. Столь же тра-

диционными оставались военно-политические и династические союзы русских князей с польскими и венгерскими правящими домами.

Активная системная внутренняя и внешняя политика Владимира Святославича и Ярослава Мудрого способствовала первой модернизации политически единого Русского государства. Она определила вектор социально-экономического и политического развития страны, ее культуры до второй трети XIII в. в едином контексте европейского политического пространства [Свердлов М.Б. 2003б. С. 33–40]. Это единство не было разрушено ожесточенной дискуссией о церковных догматах, последовавшей за расколом православной и католической Церквей [см.: Поньрко Н.В. 1992. С. 6–8, 22].

Русские православные князья продолжили эту политику модернизации. В свойственной православной Церкви «симфонии властей» светская власть была выше церковной, защищая ее и материально поддерживая. Интересы государственные были для князей выше диспутов о различиях православной и католической ветвей христианства. Поэтому они продолжали осмысливать положение Руси в едином европейском пространстве. Материальными основаниями такого осмысления продолжали оставаться постоянные торговые связи с другими европейскими странами и Византией, военно-политические и династические союзы с их правителями.

Во второй половине XI — первой трети XII в. на Руси происходили процессы, которые привели к распаду политически единого Русского государства — становление местных княжеских династий, рост экономического и военно-политического значения городов, укрепление местной землевладельческой знати — боярства. Вследствие этих процессов во второй трети XII — первой трети XIII в. сформировались и существовали три политические системы: 1) монархическая княжеская власть во Владимиро-Суздальском княжестве; 2) средневековая республиканская структура в Новгороде, определяемая выборами высших магистратов, посадника, тысяцкого, архиепископа и регламентированными договорными отношениями с князьями; 3) южнорусские и юго-западные княжества, в которых княжеская власть, боярство и города обладали приблизительным равенством общественно-политических сил, что в обстоятельствах борьбы за первенство приводило к постоянным кровопролитным столкновениям. В конкретных обстоятельствах в разных княжествах соотношение этих общественно-политических сил могло быть различным.

Объединяющее понятие «Русская земля» и в период политической раздробленности до первой трети XIII в. сохраняло свое реальное содержание. Оно заключалось в единстве материальной культуры с региональными отличиями, в единстве литературного языка, в единой организации Русской митрополии, в традициях единства политического пространства, которые выражались в особых правах членов династии Рюриковичей на всем пространстве «Русской земли», от Прикарпатья и Черной Руси до Поволжья и от Ладоги

до Среднего Поднепровья, поскольку князем на Руси нельзя было стать, им можно было только родиться.

Политическая раздробленность Русского государства имела следствием сужение традиционных международных связей прагматическими задачами отдельных княжеств и Новгородской республики, уменьшение их военно-политического потенциала. Однако все они продолжали оставаться в едином европейском пространстве, разумеется, с этнокультурными и конфессиональными отличиями от других европейских стран. Этот общеевропейский уровень позволил русским землям сдерживать в 30-е — начале 40-х гг. XIII в. и позднее крестоносный и шведский натиск, когда русские воины под руководством Александра Невского и позднее на равных сражались со шведским войском, а также крестоносцами и побеждали их.

Трагические для русских земель события конца 30-х гг. XIII в. — XIV столетия имели негативные следствия для темпов их социально-экономического и культурного развития. Батыево нашествие 1237–1240 гг. и последующее установление Ордынского ига принесло значительные демографические, экономические и культурные утраты. Более двух третей городов, которые оказались на пути монголо-татарских войск, были разрушены. Около трети из них не смогли восстановиться после разгрома. Было уничтожено большинство крепостей и сельских поселений. Так что только на трети из них продолжалась жизнь в XIV в. [Древняя Русь: Город, замок, село. 1985. С. 104].

В результате военно-политической экспансии князей Витеня, Гедимины и Ольгерда в XIV в. в состав великого княжества Литовского вошли западно-русские земли, Волынь, Среднее Поднепровье и Киев, чернигово-северские земли. В 1404 г. великий князь литовский Витовт завоевал Смоленск. В середине — второй половине XIV в. Галиция и Западная Волынь вошли в состав королевства Польского. Ливонский орден оккупировал территории прибалтийских народов. Шведское королевство подчинило финские племена. Так что демографически и экономически ослабленные русские земли оказались в 40-е гг. XIII–XIV в. в окружении мощных враждебных государств. Их экономический потенциал постоянно истощался системой Ордынского ига, прежде всего «ордынским выходом». К тому же политическая раздробленность русских земель имела следствием взаимные распри и разорения. Вследствие всех произошедших в этот период событий темпы социально-экономического, общественно-политического развития русских земель, эволюции их культуры оказались замедленными в сравнении с западноевропейскими. В соответствии с законами этнокультурного развития на территориях, находившихся под властью великого княжества Литовского и королевства Польского, древнерусский этнос эволюционировал в XIV–XV вв. в украинский и белорусский. Традиционные связи русских земель с государствами Западной Европы сократились до ограниченных торговых связей преимущественно через Новгород [см.: Рыбина Е. А. 2001. С. 107–165].

Русские земли сохранили свою европейскую идентичность. Но вследствие постоянной военно-политической экспансии в XIV–XV вв. Золотой Орды, а после ее распада — новых татарских государственных образований, Велико-го княжества Литовского, королевства Польского, Ливонского ордена и королевства Шведского, направленность и содержание их эволюции в эти столетия стали существенно отличаться от западноевропейских государств.

В странах Западной Европы в XIV–XV вв. продолжали развиваться ремесла и появились мануфактуры. Они стали основой экономического процветания городов. Мощные цеховые организации, отстаивая свои социальные и экономические интересы, последовательно противостояли традиционным средневековым государственным и социально-экономическим структурам, социальному неравноправию. Средневековой сословности и сословным привилегиям новая буржуазная система отношений противопоставила личность человека, его достоинство. Гуманизм противопоставил средневековому Божественному идеалу самодостаточного творческого Человека, Вере — Знание, средневековому быту — светскую культуру Возрождения.

Формирование в Западной Европе XIV–XV вв. национальных государств происходило одновременно с продолжением ее интеграции как единого интеллектуального пространства. В средние века такое единство поддерживалось феодальными структурами, основу которых составляло не этническое происхождение, а служба сюзерену. Белое и особенно черное духовенство в пределах единой латиноязычной культуры способствовало интеграции интеллектуальных достижений. В позднее средневековье и в эпоху Возрождения единую интеллектуальную среду создали университеты. Постоянные тесные торговые и культурные связи разных западноевропейских регионов и городов способствовали не только увеличению объемов производства и росту производительности труда, но также распространению передовых технологий и других видов интеллектуального прогресса. Достижения инженерной мысли, архитекторов, художников, скульпторов Италии, Нидерландов, Брабанта быстро усваивались и переосмыслились в других странах Западной Европы, способствуя ускоренным темпам развития новейшей материальной и духовной культуры, основными центрами которой становились крупные экономически развитые города.

Новые обстоятельства экономической, социальной и интеллектуальной жизни имели следствием пересмотр в XVI в. основ средневековой религиозности в различающихся по содержанию реформационных учениях и в качестве ответной реакции — католическую контрреформацию.

Россия в XIV–XV вв. проходила общеевропейский, но во многом отличающийся от западноевропейских стран путь исторического развития. Вследствие особых экономических и общественно-политических обстоятельств этого периода русские земли оставались еще на средневековой стадии исторической эволюции. Города являлись слабыми экономическими центрами. В военно-

политическом соперничестве за первенство в русских землях победила московская княжеская династия, которая стала последовательно интегрировать в составе княжества Московского другие северо-восточные земли или подчинять их своему влиянию. Лишь к концу XIV в. русское войско смогло выдерживать сильнейшие удары многочисленной ордынской конницы и побеждать ее, о чем свидетельствовали победы Дмитрия Донского на реке Воже в 1378 г. и в Куликовской битве в 1380 г. Впрочем, уже в 1382 г. в результате нашествия хана Тохтамыша Ордынское господство было восстановлено.

Княжество Московское вышло окрепшим из политических распрей первой половины XV в., и в 1456 г. московский князь Василий Васильевич установил контроль над Новгородом. В великое княжение его сына, Ивана III Васильевича (1462–1505), процесс объединения русских земель вокруг Великого княжества Московского был, в основном, завершен, а после так называемого «стояния» на Угре в 1480 г. было свергнуто Ордынское иго.

В XIV–XV вв. в русских землях развилась и победила московская система сильной княжеской власти. Она объединила и интегрировала многочисленные княжества, в которых продолжался процесс средневекового династического дробления, а также Новгородскую и Псковскую республики. В княжестве Московском князья объединили военно-политические усилия всего народа в борьбе за освобождение от Ордынского ига, за политическое первенство в русских землях. Ей не могли противостоять ни города вследствие слабости своего экономического и социального развития, ни боярство, определяющее значение для которого имела служба князю. Постоянно поддерживали усилия московских князей в объединении русских земель и митрополиты, начиная с митрополита Петра. Их титул, «митрополит Киевский и всея Руси», сохранил историческую традицию, осознание церковного и этнокультурного единства русских земель. Поэтому союз московской княжеской, позднее великокняжеской власти с властью церковной, кроме отдельных эпизодов, вызванных конкретными политическими причинами, был постоянным.

В XIV–XV вв. особое значение приобрело осознание всеми слоями русского населения себя как людей православных. Оно стало особой формой самоидентификации как по отношению к завоевателям-ордынцам, язычникам, с XIV в. — мусульманам, так и по отношению к крестоносцам и католическим государствам. Это чувство поддерживалось в тот период и жестким идейным противостоянием православной и католической Церквей.

В новых условиях общественно-политического развития русских земель великий князь Иван III проводил целенаправленную политику формирования единого государства. Идеологическое и свойственное средневековому сознанию символическое значение приобрели его женитба на племяннице последнего византийского императора Зое (Софье) Палеолог. Великокняжеским гербом стал двуглавый орел, подобный гербу византийских императоров. Начал формироваться приказной административный аппарат

централизованного управления страной. Был издан новый судебник. Это политическое обновление сопровождалось модернизацией прежде всего строительных технологий и огнестрельного оружия, что было крайне важно для молодого и сильного государства в эпоху колониальной экспансии западноевропейских держав. В главных храмах страны, Успенском и Архангельском, возведенных в Кремле, интерьер древней крестовокупольной церкви был изменен в соответствии с концепцией торжественности залов итальянских палаццо, тогда как новый московский Кремль построен по принципам итальянских оборонительных сооружений. Для торжественных светских приемов там была возведена Грановитая палата, фасад которой продолжил итальянские традиции.

Итальянские мастера не только создавали в Москве шедевры церковной, гражданской и военной архитектуры, соединявшей русские традиции и новейшие западноевропейские достижения эпохи Возрождения. Они способствовали также развитию в России огнестрельного оружия, которое позволило реализовать военный потенциал государства в борьбе с противниками.

Это была вторая модернизация России. Она была поддержана во время реформ второй половины 30-х — первой половины 50-х гг. XVI в. Вторая модернизация создала условия для военно-политического превосходства России над ее восточными соседями. После присоединения к России Казанского ханства в 1552 г. и Астраханского ханства в 1556 г. началась активная русская колонизация Урала и Сибири.

Западное направление военно-политической активности России оказалось в других обстоятельствах. В 1492 г. был построен Ивангород, который защитил выход России к Балтийскому морю. Но России противостояли на Балтике государства, владевшие современными вооружениями. Попытка Ивана IV пробиться к Балтийскому морю после долгой и кровопролитной Ливонской войны (1558–1583) оказалась безуспешной. Напротив, она имела следствием объединение его противников — унию в 1561 г. Ливонского ордена с Литвой и Люблинскую унию великого княжества Литовского и королевства Польского в 1569 г. Воспользовавшись крайне ослабленным состоянием России после Ливонской войны, опричины Ивана Грозного, вызванного ими экономического кризиса, гражданской войны — так называемой Смуты 1605–1612 гг., шведский король Густав II Адольф захватил по Столбовскому миру 1617 г. северо-западные русские территории с крепостями Ивангород, Ям, Копорье, Орешек, отрезав Россию от выхода к Балтийскому морю. Для шведского контроля над важнейшим речным путем по Неве в ее устье была построена крепость Ниеншанц. В 1620-е гг. Густав II завоевал также Прибалтику, превратив Швецию после успешных военных реформ в мощную морскую державу с прекрасно организованной и вооруженной армией.

Таким образом, все попытки России выйти к Балтийскому морю, установить прямые торговые и культурные связи с экономически и технически